

Д Е Р Ж А Щ И М З Е М Л Ю

Трагед. - 1989 - 250 стр. - с 3

В минувшую среду в Большом зале Московской консерватории под управлением его главного дирижера Риккардо Мути исполнили «Мессу ди рекеием» Джузеппе Верди. Событие выдающееся, прежде всего потому, что исключительное место в истории мировой культуры занимает сам «Рекеием» — один из великих памятников гуманизма, благородства и мощи человеческого духа.

Что заставило композитора, славившегося непреклонностью характера и оттого имевшего с религией весьма непростые отношения, обратиться к жанру заубойной молитвы? Это — смерть двух великих людей Италии: Джоаккино Россини в 1868 году (тогда были написаны две части — «Dies irae» и «Libera me») и Алессандро Мандзони в 1873-м. В годовщину смерти писателя — духовного вождя итальянского национального возрождения XIX века — 22 мая 1874 года в миланской церкви св. Марка под управлением Верди и состоялось первое исполнение «Реквиема».

Молитва ли это в традиционном смысле слова? Очевидно, нет, скорее, рассказ — взволнованный, торжественный, лирический, драматичный — о жизни Человека, жизни, полной борений, дум, горестных утрат и славных свершений.

...Дирижерская палочка Риккардо Мути плывет в воздухе. Звучат начальные сосредоточенно-скорбные фразы виолончелей: «Так было... слушай-те!» — словно говорят они, и мы напряженно идем предстоящего повествования. Верди не был бы театральным композитором, если бы даже в столь кратком фрагменте не погрузил слушателей в целое море ассоциаций. Сколько образов сразу! Печальные струнные поют тему скорби, а у хора (хормейстер Джулио Бертола) — говорок, почти шепот: «Вечный покой!» Так и видишь сумрачное

внутреннее пространство храма, одинокую зажженную свечу, слышишь отдаленное молитвенное пение-причет. Неожиданно хор запекает суровый гимн в старинном духе — и снова тихая скорбь. Тут словно прорывается плотина чувств, один за другим вступают взволнованные, полные энергии голоса солистов — воплощение того живого, что было в человеке. Но порыв гаснет, и этим завершается начальная сцена — пролог. Сколь мало прошло времени, но сколь многое уже сказано. Так, сопоставляя и объединяя почти что в одновременности самые разные планы (совсем как в современной кинематографии — только великой музыке эти приемы были известны еще более ста лет назад), будет строить Верди и все остальные части своего «Реквиема».

Это чувство единого музыкального дыхания, на котором развивается каждая часть и все произведение, умение подчеркнуть кульминацию, вылепить рельеф драматургии целого великолепно развиты у Мути — истинно театрального дирижера. С особой яркостью такой режиссерский, можно сказать, даже скульпторский подход проявился в «Dies irae» («День гнева») — грандиозной и, безусловно, центральной части сочинения, составляющей едва ли не половину его объема. Правда, поначалу дирижером был взят слишком уж вихреобразный темп, что несколько лишило музыку ее апокалиптической значительности. Но зато совсем уж

вселенский трепет довелось ощутить в «Tuba mirum» («Труба предвечного»), когда грозные трубные гласы буквально подступали и теснили со всех сторон.

Лишь в ариозо «Liber scriptus» («Явлено будет писание») впервые после пролога возродились человеческое самообладание и надежда, воплощенные в теплом звучании меццо-сопрано. Надо сказать, что в этом «Реквиеме» на меццо-сопрано падает совершенно особая нагрузка — и ее с честью выдерживает великолепная Лучана де Инпино. Патетичен

еще ее центральную фреску «Страшный суд». Все они полны света — мягкого, спокойного — в «Offerlorio» и «Agnus Dei» («Жертвоприношение», «Агнец божий»), мистически мерцающего в «Lux aeterna» («Вечный свет»). Здесь в полной мере смог показать весь огромный диапазон своих красок оркестр «Ла Скала», великолепный не только в могучем фортиссимо, но и в пронзительных мелодических фразах духовых, в трепетных, на грани слышимости, тремоло струнных.

И снова сгущаются тени — наступает финал «Libera me» («Избави меня»). вновь, как и в «Dies irae», разворачивается большая, контрастная музыкальная картина. И тут-то мы

Размышления после концерта

и мужествен в своих ариозо бас Пол Плишка; незамедлительно ансамблистом рекомендовал себя также тенор Фернандо де ла Мора, голос которого идеально сочетался и с басом, и с женскими партиями, служил как бы переходом между ними. Особенно же впечатлило слияние сольных, хоровых голосов и оркестра в величественно-суровом «Rex tremendae» («Царь грозный») и, конечно, в завершающей эту истинно микельанджелову по духу картину Судного дня «Слезной» — «Lacrimosa», простой, прямо-таки народной песне, вырастающей в грандиозный трагический гимн всем погибшим и усопшим.

Отгремел «Dies irae». Наступает серия сцен-интермедий, дающих отдых, отвлечение от трагических переживаний (точно картины боковых стен знаменитой Сикстинской капеллы, контрастирующие и дополняю-

понимаем, почему Верди до сих пор так экономно использовал тембр сопрано соло: он берег его для финала! Партия эта хранит на себе отблеск личности знаменитой певицы Терезы Штольц — близкого друга Верди. Пели ее, наверное, все великие сопрано мира; у многих москвичей еще на слуху исполнение «Реквиема» неподражаемой Катей Риччарелли в 1974 году под управлением тогдашнего руководителя «Ла Скала» Клаудио Аббадо.

В этом смысле у нашей Любови Казарновской, подменявшей заявленную сперва Даниэлу Десси, была архисложная задача. Не во всем и не сразу, не с самых первых тактов справилась она с ней — но справилась, оказалась достойной своих партнеров. Захлебывающийся причет, тревожная, трагически обреченная мело-

дия, предвещающая образы будущего «Отелло» (до него от «Реквиема» еще целое десятилетие), скорбное воспоминание о прологе после внезапно врывающейся (в который уже раз на протяжении сочинения) бури «Dies irae», энергичная, устремленная вперед, протестующая fuga и, наконец, заключительный не то смиренный, не то бессильно ропщущий речитатив — все было отлично проведено певицей, хором и оркестром и стало достойным аккордом, завершившим величественное полотно «Реквиема».

Так по ком же он, «Реквием» Верди? По России? По Мандзони? А в XX веке, наверное, и по самому автору, так гениально выразившему свою веру в добро? А может, по музыкантам, в разное время соприкасавшимся с этой великой партитурой? По Тосканини, оставившему нам самую, наверное, замечательную запись сочинения? Или по другому выдающемуся дирижеру, недавно ушедшему от нас, — Караяну, под чьим руководством шел «Реквием» в 1964 году, в первый приезд «Ла Скала» в СССР?

По всем ним. И не только. По всякому человеку, чье доброе дело переживает его физическую смерть. Для меня это был реквием памяти моей матери, которая подарила мне мир и раскрыла сокровища музыки в нем...

И вот еще о чем подумалось: а достойны ли мы такого искусства? Подумалось об этом, когда шел на концерт по изрядно потускневшей, состарившейся за последние годы Москве, такой уютной в

осеннее ненастье. Подумалось, когда проходил мимо пустых витрин магазинов — свидетелей того, у скольких людей нарочь отбиты совесть, желание, да и сама возможность жить и работать честно. Подумалось, когда столкнулся с полным неумением работников зала, блюстителей порядка, да и самой публики вести себя в «ажитогажной» ситуации, в результате чего концерт задержался почти на полчаса, в течение которых артисты терпеливо находились на сцене, ожидая, когда же аудитория наконец угомонится.

И ответ пришел: не то что мы достойны — оно, это искусство, нам жизненно необходимо. Потому что жизненно необходимо помнить и верить: человек — не просто потребитель материальных благ. Человек — венец творения и сам творец, нужно лишь не убивать в нем божью искру деятельности и чести — а это, увы, с нами делали долго, очень долго. В ком-то же удалось убить — и об их погибших душах тоже плачет «Реквием». Однако всегда, даже в самых страшных испытаниях — на войне, в лагерях — находились такие, которые выстояли до конца, в которых эта искра не гасла никогда, несмотря ни на что. И это им дань — искусство, подобное вердиевскому. Им, знаменитым и безвестным, держащим на себе землю, держащим даже после того, как они находят в ней свой вечный покой. Именно такому Человеку, человеку-творцу посвятив свое лучшее, самое грандиозное сочинение великий итальянец Джузеппе Верди.

С. БИРЮКОВ.